

Александр ВОЛОВИК

УПОРЯДОЧЕННЫЙ  
НАБОР ШТУК

Стихи

**ЭС**

2009

Александр Воловик Упорядоченный набор штук , стихи.  
М.: «ЭС», 2009, 86 с.

Александр Воловик, автор книг стихов: «Сам себе автор», М., Авиатехинформ, 1996 и «Договоримся о воздухе», М., Новая поэзия, 2006. «Упорядоченный набор штук» — третья книга автора. В неё входят стихи, написанные, в основном, после 2005 года.

Большую часть содержимого всех трёх книг, а также другие стихи автора можно читать в интернете:

<https://poezia.ru/authors/volovik>.

© «Эпоха Самиздата», 2009

Связь с автором: [a-volovik@yandex.ru](mailto:a-volovik@yandex.ru)

**ДЕЛА**

угрожал ножом нанёс побои  
след зафиксирован справкой врача  
врезалась в пень пострадали двое  
вывихнула ключицу плеча  
окопался с бабой в проданном доме  
дверь на замке телефон отключён  
отлучился на год в пустыню гоби  
она уже с ветеринарным врачом  
ворвался в комнату ругался матом  
махал кулаками дразнил собак  
соседа-ветерана обозвал «приматом»  
научила ребёнка «папа дурак»  
заявился пьяный крушил посуду  
пианино деку разбил топором  
не спускает воду гадит повсюду  
жилая квартира беспредел погром  
ехала на красный вырвали мобилу  
потерял расписку чемодан вокзал  
отобрал бумажник прямо у могилы  
справка об отцовстве нанёс угрожал

\* \* \*

Забудь каток и колесо, историю и шар.  
Забудь наивное — когда ты верил: что-то есть.  
Недоказуемое Всё, неведомым шурша,  
всё тает-тает... И еда — единственная вещь.  
Увы, законы (дважды два) и практика (курьёз!)  
равно сомнительны. Одна метафора права,  
Она с капелью ржавых крыш сольёт дождевки слёз,  
к вулкану приравняет прыщ и к музыке слова.  
Метафора родит лиризм, она включает свет.  
И в этом свете (только в нём!) является предмет.  
Всё — виртуально: водоём, премьера, интернет...  
Так называемая жизнь необъяснима. Нет.

## КЛАУЗУЛА

(фантастический диалог)

*КЛАУЗУЛА (лат. clausula - заключение, концовка) — ритмическое окончание слова, начиная от ударной гласной и до его конца. Любимый, кораблик, задраивать, поздно...*

Владимир Онуфриев «Рифма: от простого к сложному»

— Нам есть, чем гордиться: отчётный период закончен, и мы не попали впросак.

Поднимем же тост за единственный вывод: мы мчимся к победе на всех парусах!

— Любимый, кораблик задраивать поздно, каюты затоплены, в трюмах бурлит.

И только по палубе мечется воздух.

Он ранен, и где же лентяй Айболит!..

— Очнись, дорогая! Сегодня суббота.

До вторника выплывем, вот тебе зуб.

Технички и юнги давно за работой,

и дуют вручную в отверстия труб.

— Но новые волны топорщатся грозно,

и — как его? — шквал, или этот... Мальстрём...

Любимый, кораблик задраивать поздно!

Мы обречены! Мы сегодня умрём!..

— Ну, ты бы ещё бы чего бы сказала!

Кругом тишина. Не аврал, а простой.

Что поздно-непоздно, узнаем у зама.

Какие там волны! Тут синус простой.

— Да нет же! Нас крутит, как в супе пельмени!

Да, это Мальстрём, я читала у По...

Так страшно, что хочется встать на колени...

Любимый, кораблик задраивать по

(Идут ко дну)

## **ПАУК И МУХА**

Человек-Паук укусил Человека-Муху  
Человеку-Мухе лететь бы куда фасетки  
Но он был аскет и сознательно шёл на муку  
И нарочно запутался в цепкой паучьей сетке  
Человек-Паук питательно впрыснул в кожу  
Человека-Мухи сок чтоб толстела мякоть  
Обезболил добавил к соку стакан наркозу  
Округлил как нолик до самых дотошных знаков  
Окормил как батя по-полной и ждал надеясь  
На наружный процесс верней на его ферменты  
Человек-Муха вспотел переполнен через  
И впервые подумал что сладкие экскременты  
Для него возможно потеряны безвозвратно  
Равно как и самки сладкое же жужжанье  
И телесно выпитый залпом от жажды жадно  
Он душой улетал на новых крылышках ватных

## ЭТЮД

Она издавала панический крик,  
который был слышен издалека.  
Она издала несколько книг  
общим тиражом, неизвестным пока.  
Она веселила скромных мужчин,  
я даже сказал бы — трэфных хряко́в,  
и дюжину кофеев «каппучин»  
без закуси на-спор смела с лотков.  
Когда же поплыли наперекосяк  
любимые — город — газон — кровать,  
она говорила одно: пустяк  
и продолжала пиры пировать.  
Но вот, как в частности, так и вообще,  
затмила светило чужая тень.  
В дверях засветилась заглавная «Ч».  
Плеер облезлый обрезал трель.  
Летучие крылья сложил вампир,  
и бухнул колокол — ни о ком...  
Пойми теперь, кто — бормотал, вопил,  
и кто — выпрыгивал из окон!  
А там, где вибрировал хронотрон,  
перелопачивая быльё —  
свалка разобранных хромосом  
для вос-произ-веденья её.

## ЛЕДИ ГОДИВА

Красотка, не знаю, как звать я,  
забывчива — прямо хоть плачь! —  
как есть, совершенно без платья,  
нудистский покинула пляж.  
Одета, как леди Годива,  
и так же примерно скромна  
с бутылкой початою пива  
в автобус впорхнула она.  
И тут же, воспитанный школой  
непровинциальных манер,  
сидение девушке голой  
герой уступил пионер.  
И все, как один, пассажиры,  
мужи загорелые сплошь,  
немедленно очи смежили,  
хоть ехали с пляжа с того ж.  
Водитель зажмурился тоже,  
задумчив, усат, волосат...  
И правильно спрятали рожи.  
Тут что, блин, тебе — зоосад?!..  
Автобус, как змейка, виляет  
и громко (от страсти) гудит.  
Водитель по опыту знает,  
что чёрный провал впереди...  
Но девушка вдруг подскочила,  
тряхнула копною кудрей:  
— Ах, я же там зонтик забыла!  
— Ах, остановите скорей!..  
Шофёр выражается громко,  
на тормоз спасительный жмёт.  
И вот она, пропасти кромка,  
у коей автобус встаёт.  
Выходит наружу Годива,  
горды и осанка, и взгляд,  
и пьёт недопитое пиво,  
и ловит автобус назад...

## **СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ**

Военнослужащего полюбила змея.  
Она ночами приходила к нему пешком.  
А военнослужащий был такой же, как я.  
Только я с их уставами поменьше знаком.  
Он был, видимо, храбр: от армии не косил.  
И дедовщину с пониманием принимал.  
И то сказать, тронь его какой-либо дебил —  
до койки до собственной вряд ли бы дохромал.  
Вонзился в дебила бы жала злой язычок,  
дебилу бы плохо было, он даже бы сдох.  
А военнослужащий получил бы зачёт,  
боевой отличник и кавалер орденов.  
Он потом, наверное, генералом бы стал,  
потому что сызмала жезл железный носил,  
потому что верен был лишь змеиным устам  
и от армии потому что не откосил.  
А я перевожу, запаса старый старлей,  
в черновики лес, чтобы пнями прорастал в них.  
Не взрывал, не орал: «Огонь!» И сам себе змей.  
И даже курсор от меня уполз, изменив.

## ПАРАД ПЛАНЕТ

Всё, вроде, кончено. Заделов больше нет.  
Подобраны все рифмы (на помойке:  
там — сор. Тот, из которого — стихи).  
Окончен труд. Теперь я жду награды.  
А через полчаса — Парад Планет.  
Венера с Марсом с вечера по стойке  
равнялись «Смирно!» (а она: «Хи-хи!  
Не щекотись! А то уйду с парада!..»)  
Но Марс её в заложницы позвал  
и — заложил: за воротник и галстук,  
так что пришёл в волнение и экстаз  
повеса, фат и донжуан Меркурий,  
который, хоть и не любил овал,  
но тут (в экс-тазе) рвался и метался,  
и в этот таз слезами пролилась  
гроза начала мая.

— Кто дежурный?

Убрать! — раздался страшный голос вдруг, —  
парад и это вот — не совместимы!  
Немедля прекратить! Из ряда — вонь!..  
— Кто это, — я спросил, — Юпитер что ли?..  
Ответа нет. Безмолвие вокруг.  
Подумал: значит, вот, о чём грустили  
со школьных лет обжившие амвон —  
о Вечности... И снова всё, как в школе:  
глагола первый ощутив ожог,  
рифм штук по сорок заносить по будням  
в блокнот, и, тужась созидать сонет,  
их рассыпать частично по дороге...  
Парад, меж тем, уже произошёл.  
Махал Сатурн своим цыганским бубном,  
пока Юпитер, маршал среди планет,  
скакал пред них на белом Козероге.

## ПАЛОЧКИ МАЭСТРО

### *Пентаптих*

#### 1.

— Маэстро, скажите, пожалуйста, который час?

И маэстро, подняв свои палочки тоненькие, пропел опереточным тенором:

— Московское время пятнадцать часов сорок восемь минут и тридцать четыре секунды-у-унды!

Для этого ему понадобилось секунд 14 с половиной, так что пропетое время было не совсем точным.

А ещё через 8 секунд рухнуло кирпичное здание, в течение приблизительно полутора веков стоявшее в полукилометре от места описываемых событий.

#### 2.

Немецкие концессионеры строили бойни. Уже построен был целый городок унылых одно- и двухэтажных зданий, при одном взгляде на которые у ведомых коров подкашивались колени передних и задних ног. Заканчивалось строительство двухэтажной «бараньей бойни». Крыши ещё не было, и желающие могли видеть будущее здание как бы в плане. Стены его были непомерно толстыми, так что даже самый злобный баран не смог бы прободаться на улицу, и не было ему ни единого шанса на спасение. На некоторых кирпичах, да чего там — на многих, почти на всех, были выбиты аккуратные заглавные буквы: М.А.О. «Московское Акционерное Общество», что ли?

Или это что-то по-немецки, и они и кирпичи из Германии своей попривозили...

#### 3.

Летело 18 пожарных расчётов. Впереди всех на красном «уазике» мчался главный бранд-мажор, или как его там... Все машины беспорядочно дудели:

— Дú-у-ду-дú, ду-дú-ду-ду, ду-дú-ду, — пела одна на мотив «Катюши».

— Ду, ду-дú, ду-ду-дú, ду-ду-дú-ду-ду, — «Марш славянки» раздавался из другой.

Третья была так называемым тореадором и выдавала соответствующую арию.

А два пожарных водителя, видимо, совсем уже дошли до ручки (и до точки) и запустили сирену-Интернационал, подпевая разухабистыми полубасами:

— Давай, поедем за соломой! — // быки усталые ревут,  
— // у нас соломы нету дома, // зато навоза целый пуд...

И было много ещё других музыкальных моментов.

Викторова стояла у раскрытого окна и любовалась на ладных пожарных.

Пожара-то, впрочем, и не было.

#### 4.

Всей улицей собирали деньги «погорельцам».

— Да не погорельцы они, у них просто дом рухнул!

— С чего бы это он рухнул? Ни у кого не рухнет, а у этих — вот... Небось сами и подтолкнули, а денежки-то заранее все выгребли. И телефоны свои всякие, телевизоры импортные, компьютеры, прости Господи...

— Да как его подтолкнёшь-то, у него стены вон какие были, полтора метра в диаметре, немцы строили...

— Какой диаметр, они что, круглые что ли были?

— Сама ты, бабка, круглая. Дура.

— От дуры слышу.

Хорошо ещё, что в доме, как нарочно, никого не было. Только кошка одна пострадала. Да и ту после за помойкой нашли — живёхонькую.

#### 5.

— Маэстро, расскажите, пожалуйста, каковы Ваши творческие планы?

И Маэстро, улыбаясь, поднял тоненькие палочки свои.

\* \* \*

О, оторопь от разного прогресса,  
бери меня за самое нутро!  
Ведь даже защищать свободу прессы  
митинговать я езжу на метро!  
Не то в былые времена застоя,  
когда с прогрессом полный был облом,  
и ничего на бра́ло за живое,  
ну, разве, только девушки (с веслом).  
Джин-тоника не знали — пили брагу.  
Дом был не крепость, а скорей — окоп.  
И мяли туалетную бумагу  
с лицом вождей и передовиков.  
На улицах ещё встречались кони,  
хотя уже не грызли удила.  
Хрущёв еще безумствовал. Но вскоре  
пора другим безумствовать пришла...  
Но, кроме тех других, ещё другие  
плясали жизни праздничный балет.  
И я там был. Пил пиво в выходные.  
Ежевечерний делал туалет...  
Строчил стишки, сей факт одновременно  
скрывая; инженерил (был учён!)  
И как-то на обрывке (Nota bene!)  
«Литературки», кажется, прочёл  
призыв к литературной молодёжи  
азам учиться прозы и стиха.  
Катáрсисом мороз прошёл по коже  
(местами). Я решился и, слегка  
вспотев, уже в подъезде завершил  
обрывка упомянутого чтение:  
— Автобус мне! Автобус!..  
Вместе с тем я  
ходил на службу и по мере сил  
(увы, их вечно не хватает всем нам!..)  
поддерживал двоякий интерес

к стишкам (и до сих пор он не исчез)  
и к двухзеркальным, кажется, антеннам...  
Теперь, когда давно уже в почтенном,  
как говорится, возрасте живу  
и не рифмую по сортирным стенам,  
а нюхивал реально, наяву  
свой текст, пропахший краской типографской  
(офсетная печать не глубока...)  
я возгордился гордостью дурацкой,  
в которой так и плаваю пока.

## **НОВЫЙ РУССКИЙ**

Без НДС и спецналога  
вам хрен покатится телега,  
и не построится берлога  
без огонька ацетилена.  
Поскольку я служу мамоне,  
а не какой-нибудь камене,  
я говорю на этом фоне  
на соответствующей фене.  
Меня за лацканы пижамы  
уже довольно подержали  
местоименья с падежами.  
За мною тоже не заржавет.  
Живу по самой верхней мерке:  
катаюсь только в иномарке  
и секретутке рыжей Верке  
за баксы делаю подарки.  
И я в малиновом прикиде,  
с герлой в малиновом берете  
в посол испанский кинул киви  
и рябчика жую на третье.

## **ЧАСТИ РЕЧИ**

Охотник. Чаща. Олени. Топот.  
Погоня. Скорость. Копыта. Вой.  
Собака. Ветка. Grimаса: злоба.  
Винтовка. Тяжесть. Гашётка. Взвод!

Хлестнуло. Грохнуло. Остановился.  
Шагнул. Свалился. Рухнул. Лежит.  
Сломался. Умер? — Дёрнулся. Виснет.  
Рыдает. Просит. Глазеет — жить!..

Лиловый. Громкий. Кровавый. Белый.  
Бесцветный. Тихий. Огромный. Злой.  
Невнятный. Трепетный. Мокрый. Целый.  
Варёный. Вкусный. Полезный. Мой.

\* \* \*

*С.Л. и Н.Б.*

Сегодня Коля был без Светы.  
Она ушла к кому-то в гости.  
Их в эти гости приглашали  
когда-то вместе, но увы —  
однажды Коля два бокала,  
разбил, нечаянно, конечно,  
с ужасным грохотом и звоном  
в тех самых, чопорных гостях.

Теперь те чопорные гости,  
верней, хозяева, наверно,  
имея недочёт бокалов,  
уж Колю в гости не зовут.  
И вот, приходится сегодня  
ему вести какой-то вечер  
литературный, где стаканы  
выбрасываются вообще...

## **НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ С ЛОКАТОРОМ**

Локатор карту лучом колотит.  
Локатор катит волну на отмель.  
В халате мартом кошачьим бродит  
луч, отражённый бесповоротно.

Ему удача б — косые крылья,  
и вой сирены, и рёв ракеты...  
А он у дачи, сухой и пыльный,  
пленён репейниками кювета.

И как ревматик, хромая с хрустом,  
забору кости перебирая,  
плетётся шагом, зелён и грустен  
по небу, как по району рая.

Лишь облака, пустоту нарушив,  
в его нерадостном реют свете,  
да бестелесно, как ангел душу,  
сухие листья проносит ветер.

## **ОКЛЯБРИ**

Хрущёв и Лермонтов.  
Октябрь.  
Допустим, иды.  
Решенье Пленума.  
Рожденья торжество.  
Где — лысина?.. Бровей  
орлы приятны с виду.  
Гусар в подгузнике.  
Стихи манят его.

Ужель в последний раз  
ласкаешь ты кормило!  
Отпустишь — и один.  
И будто овдовел...  
А тот у бабушки,  
задумчивый и милый.  
Сопит и чмокает.  
А впереди — дуэль.

Не вовремя Покров:  
всё солнце вылезает.  
Захлопнуть бы тетрадь  
подальше от греха.  
Синеют огурци.  
По полю скачет заец.  
Октябрь уж наступил.  
Уж роща отряха

## КАЛЕНДАРЬ

Я в газете прочёл, что на нас термидор наступает!  
Здоровенный такой термидорище, гад окаянный.  
В треуголке кустарной заносит за ворот обшлага  
длань сухую и зыркает оком, сугубо орлиным.  
Ведь не мельницы мяли  
цырюльный прикид Дон-Кихота —  
с телебашен

развёрнутым строем

бетонные волны.

А теперь тишина, темнота. Только шмыг подковёрный.  
Кто ж кого победил в этом не-Бородинском сраженьи?..  
Мерный атом не зря торопил по орбитам мезоны,  
и солдатские жёны в запретные зоны стремились.  
Олигархи не даром мусолили длинные баксы  
перечислить конкретно лимоны на чай персоналу.  
Как аналог Пилата, я чистые мылю ладони.  
Наше дело следить за печальным исходом кампании —  
как заря или что — развернётся из искры кромешной.  
Поднимите мне брови. Какое сегодня брюмера?

## **ХРОНИКА**

Рост урожая. Пожар. Убийство. Реклама.  
Коммунистический митинг. Реклама. Убийство.  
Ввод нефтепровода в строй.  
Землетрясение. Два ДТП. Убийство.  
Рок-фестиваль.  
Пожар. Ограбление. Реклама. Убийство. Убийство.  
Новинки поэзии. Форум.  
Выборы. Митинг фашистов. Убийство.  
Марш полугласных. Реклама.  
Убийцы не найдены.  
Реклама. Убийство. Убийство.  
Звёзды в постели. Убийство. Убийство.  
Погода. Убийство.  
Марш педофилов. Реклама.  
Дебаты в парламенте. Жертвы. Убийство.  
Погода. Убийство. Театр у микрофона. Убийство.  
Взрыв. Великий Потоп.  
Убийство. Убийство. Убийство. Убийство. Убийство.  
Реклама.

## **PAVEL & PAVLIK**

*Pavel Korchagin*

*General menager*

Из визитной карточки

Узких колея добровольная каторга.  
Шашка да маузер. Трубы да флаги.  
Оторопь Вас проберёт или катарсис,  
*general menager Pavel Korchagin?*

Нет, не тачанкой тачали карьеру Вы,  
в коже за контрой не мчали, ищейки.  
Сами ли скачете, или — курьерами  
шлёте партнёрам платёжки и чеки?..

Выпало решкой вам время бубновое:  
туз на тузе, да и дамы дебелы.  
Вы не дебилы ли, русские новые?  
Роспесокстрой — ненадёжное дело.

Не довелось вам рубать буржуазию,  
гнать кулаков — из амбаров в подвалы.  
В части шестой — где Европа и Азия —  
место осталось для вас. Только мало.

Вы бы валили по-тихому с офисов...  
Или же вы не слышали прогнозов?..  
Юным — дорогу! О вас позаботится  
*next generation: Pavlik Morozoff.*

## КОНДОПОГА

Широка и обширна родная страна.  
Много в ней всевозможных хреновин.  
Но с порядком у нас, как обычно, хана.  
Да и климат довольно неровен.  
Знаменитые мѳлодцы, богатыри,  
древнерусским пропитаны духом,  
всех крушили на раз. Ну, на два или три  
и мерещились вещим старухам.  
Пролетели века. Потеплело слегка.  
Нету эллинов. Нету варягов.  
Нас крутило спиралью. Теперь — вертикаль:  
на-попа. Это — новый порядок.  
А по курьим избушкам ягое бабьѳ,  
аппетитные самки кощеев,  
плотоядно хохочет, считая бабло,  
новорусские пасти ощерив...  
И пока медвежонки, косая нога,  
обустряивались по берлогам,  
прогремела тишайшая Кѳндопога  
редким сюрдактилическим слогом.  
Ведь в чухонских потѳмках не видно ни зги,  
и — чтоб с этою тьмою бороться —  
заплясали весѳленькие огоньки,  
затрещали хребты инородцев.  
Жги, ребята, круши — наступила пора.  
Нам свобода — не то, что как прежде.  
Не бойсь, мужики, ведь за нас мусора.  
И Москва, если что, нас поддержит.  
Отпирай этажи, щас начнѳм грабежи  
и вопросы решим кардинально.  
Встань, фашист-патриот, своё слово скажи.  
Поднимайся, Воронеж и Нарва!..  
Поднимайся, Саратов и Питер — вставай!  
Грянь, загорский отряд камерадѳ!  
Бологое — Зиг хайль! Доннерветтер, Тамань!

Руссиш дух — это Руссиш поръ-ядок.  
Пусть горит всё дотла, помоги, сатана,  
Исполать — топорам да пожарам!..  
От России останется: кучка говна.  
И урок иностранным державам.

*08—22.09.2006*

## **ВЕК МНОГОЯК**

Век — многояк: то трепет недр, то цокот монет.  
То нет Материи как нет, то Времени нет.  
Но он проедет перегон и ляжет в аннал.  
Его не сгубит самогон-тротил-аммонал.  
И, руша фабулы скелет, событий мян воск,  
сечёт-сечёт его (сто лет не просечёт!) — мозг.  
Оцифровал за годом год — и что, что их сто! —  
компьютерный бесстыжий код, и врёт, и врёт — что:  
превышен уровень того, принижен — сего,  
и где резвилось божество — гниёт вещество.  
Ещё вчера зияла щель — сегодня: бугор.  
И не злодействует Кощей, смещённый Ягой.  
Деревенеет капитал, чтоб ткань стала — сталь.  
Где голос пел и обещал — сегодня: «Отстань!»  
Вот пожелтел газетный лист, не жжётся глагол,  
Ваяет монументалист мемориал — в стол.  
И всё напористее тьма, безжизненной свет.  
Нет памяти и нет ума. И времени нет.

## **НАЦИОНАЛЬНОСТЬ**

*(диалог)*

- Национальность это язык, обряд и вера отцов.
- Национальность это ярлык, чей смысл иссяк и отсох.
- Национальность — гордость и честь, светлого дня канун!
- Национальность — способ уесть, вписанный в 5-й пункт.
- Национальность это призыв, Родина, почва, род.
- Национальность — окрик и зык: «Не наш? — От ворот поворот!»
- Национальность это стезя, избранность, вера, дух.
- Национальность это «Нельзя!», гетто, красный петух.
- Национальность — родная кровь, все скреплены как один.
- Национальность — насилье, кровь, вспоротый пух перин.
- Национальность это уклад радостей и скорбей.
- Национальность это приклад — в череп: «Громи!», «Убей!»
- Национальность — исток, итог, труб горловая медь.
- Национальность это не то, что я хочу иметь.

\* \* \*

делающие белое и цветное  
следующие вело- и моторикшей  
машущие плавающим каное  
мошам завещающие деньжищи  
публикующие исподнее утром свадьбы  
отвергающие пищу вещи помощь  
намекающие просящим — надо бы дать бы  
щебеты подслушивающие полночь  
вермишель прожёвывающие хрустом  
вдоль себя уже — поперёк шире  
щёлочи и соли земли русской  
оспаривающие дважды два четыре  
шуршащие шёлком и крепдешинном  
флэшмобствующие оранжевыми площадями  
рассаживающиеся скрежещущим автомашинам  
захлёбывающиеся шуточными щами  
плачущие прозаики смеющиеся поэты  
рифмующие:  
под тяжким игом — подтяжки мигом  
шлющие радио и газеты  
предающиеся пороку и компьютерным играм  
почкующиеся первом залёте  
вистующие мизере тройной бомбе  
тройню вынашивающие самолёте  
отягощённых слов изощряющиеся набобы  
те которые и те которых  
чистящие хрень картофель ружья  
вышивание вышвыривающие чужих котомок —

*ДАВАЙТЕ ЖЕ ЖИТЬ ДРУЖНО!*

### **ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ**

Думать: о почерке и о походке.  
Не — о сюжете и цели пути.  
Здравствуй, Стрелок, остроумный охотник!  
Вспыхни. Бабахни. Внуши. Просвети.  
Смерть тепловую влечёт, создавая,  
взрыв, и на ВСЁ промежуток — пустяк!  
Телом истлел? — Но души сетевая  
версия теплится — не́ в небесах.  
Медный узор в эбонитовой тверди  
вплавлен, как жук, в материнскую плоть  
платы на сервере давнем. Бессмертье —  
даром в Рунете даровано, хоть —  
всё мирозданье на фокус похоже,  
и на арене, как злой лицедей,  
Вечность со свечкой дежурит у ложа  
с ложью спасенья, со страхом судей...  
Всё и кончается Словом. Играя  
звуком и буквой на зле и добре,  
тысячелетье какое — не знаю —  
там кувыркается в вашем дворе.

## УЛЁТ В СЕТЬ

(прикольные стихи)

Симе

Думал: напишу-ка я с «приколами» стих:  
музы мимолётные смеялись, летя.  
Но от них шёл дух свирепой молодости,  
тяжеля стихосложение — вроде стали литья.  
Я взлетал на *Oblake*<sup>1</sup> самых вычурных мечт.  
Убещуром бешеным шевелился курсор...  
Нет, стихи с приколами — это надо уметь.  
А иначе выйдет ведь просто стыд и позёр.  
Так я думал шёпотом, своё пиво цедя,  
строчечки за строчечками шля на экран.  
А пока реал я покидал навсегда,  
рифму свежесловленную кто-то украл...  
Тут, в Сети, нет возраста, то есть он — заменим.  
Буду вечным школьником: ни каникул, ни дат.  
Ни грешков, ни обстоятельств, что ни лоб, то нимб.  
И я почти что голенький тут — в очках и примат.  
Но рулят крылатые тѐ — прямо сюда.  
А я-то с ником с одним — гляжу старичком...  
Думал: вторник, мол, а это такая среда...  
Вот те, значит, внучечка, и искомый прикол!

---

<sup>1</sup> Это стихотворение было размещено на сайте [www.oblako.com](http://www.oblako.com). Которого теперь, к сожалению, нет...

## УРОКИ МУЗЫ

Репетиторша Муза всё учит меня: «Полиричней!  
Душу, душу раскрой! Да пошире, чтоб видели все.  
Что за рифмы, старик

Так вообще рифмовать неприлично!..

Тут — любимую вспомни в её ненаглядной красе.  
Тут — уместен пейзаж, непременно с дорожкой лунной.  
Там — обценно приправь нашу русскую удаль тоской.  
А в четвёртой строфе намекни, что созданием юным  
увлечён твой герой, ровно сдвоенный Гумберт какой...»

.....  
И — корявый балбес — неужели дождусь пересдачи?!  
Наконец, оправдаю унылый безрадостный труд?  
И каникул мираж промелькнёт сыроежкой с дачи.  
И седой академик мне, брезгуя, выставит «уд».  
И с условной зачёткой рвану в виртуальное небо.  
Там молчит ураган и орудует ласковый бриз.  
Что земное теперь! Я всё грезил: небесного мне бы!..  
Ну, и вот она, Вечность — труду и усердию приз!

\* \* \*

Не творец: исполнитель,  
не программер, а — юзер,  
я не выдумал буквы,  
ни приёма, ни позы.  
Паразит на готовом,  
опьянённый какавом  
(или всё-таки пивом?)  
я вербальным канканом,  
словно вьюноша бледный  
или пасынок блудный  
(стихотворно бесплодный),  
хоть и ладный, но нудный  
пай-младенчик со стажем,  
февралём ненаглядным  
задираю бесстыже,  
то глумясь, то насупясь,  
как метафору складный,  
гуттаперчивый суффикс.

\* \* \*

Я вхож в один кружок  
богемного, похоже, толка.  
Где с серьёзными постмодернистами  
и симпатичными концептуалистками  
закусываю то постным пловом,  
то острым словом,  
то салом французским  
постмодернистские перформансы,  
концептуальные инсталляции.  
Водку. Стихи.  
Весёлый мат интеллигентский.  
Никотиновый дым.  
Шум. Палиндромы. Предметы искусства.  
И смотримся мы, как пришельцы с Марса.

Я видел в книжке постсоветской фото.  
Фас, профиль и глаза.  
Горящие от ужаса глаза  
безумного замученного Хармса.

## О СЛАВЕ

Мир не скован из железа.  
Он не злобен, не жесток.  
Потому что я не лезу,  
понимаю свой шесток.

Жечь для славы или понта  
мне ли — разума свечу!  
Кукарекну — потихоньку,  
и — пеструшку потопчу.

Выну ль из жемчужной кучки  
я какашечку словца —  
покудахтают несушки  
вот тебе и слава вся...

Вякнешь шибче — пипл, пожалуй,  
пробудится, зол и дик!  
Зря что ль рек старик Коржавин:  
«Никого нельзя будить!»

Там обидишь богоносца,  
там не тот помянешь член...  
Наше слово обернётся —  
даже хрен не знает, чем.

Слава слова — безусловно —  
как заплатата на заду...  
В заключение злобный слоган  
за бесплатно приведу.

***От заплататы яркой, кореш,  
Сразу рубищу — хана...***

Может, скажешь, в горле горечь?  
Так и в пиве есть она.

## ВЕРБАЛЬНОЕ БОЛЕРО

Вся жизнь — то семья, то школа,  
то прачечная, то ЖЭК...  
А как же тогда глаголы,  
что якобы могут жечь?  
А так: сходи в супермаркет,  
товары повыбирай  
и — кра́пай в тетрадь помарки,  
нахрапом вломясь в трамвай.  
Межврёменное пространство,  
Серпинское решето...  
Зазором для транса — транспорт,  
когда понимаешь — чтó:  
помимо жратвы и блуда,  
при скорой езде в метро,  
есть ещё сладкое блюдо —  
вербальное болеро.  
Не веером бальным позван,  
что беден и заменим,  
а неизлечимым гипнозом  
влекомый — лечу за ним  
Не оды и не романсы  
про доблесть или красу,  
а главное — резонансом  
звенеть в унисон колесу,  
его перестук копируя  
в строкú текущего дня,  
ведь ритм — император пира  
и распорядитель огня,  
поддерживаемый жаром  
неведомой небесам,  
практически данной даром  
энергии колеса.

## **ШТУКИ**

Стихотворение — не анекдот.  
Не излияние и не глюк.  
Не чувств половодье. Наоборот.  
Это — УПОРЯДОЧЕННЫЙ НАБОР ШТУК.

Дам пояснение, кто туповат  
(в первую очередь для себя).  
«ШТУКА» — то, что летает — над,  
фабулу комкая и торопя.

ШТУКИ — первичны. Как Слово: То,  
Сказанное (О чём?.. Кому??..)  
— Ну, а про что они? — Ни про что.  
— Свет-то прольют? — Ни в какую тьму.

Каждая абсолютно чиста.  
Как эталон. Или ориентир.  
Это кристальная красота.  
Она никогда не спасает мир.

ШТУКА за ШТУКОЙ свой звон, штрих  
вносят поштучно, и вот (вдруг!)  
выкристаллизовывается стих.  
Т.е. УПОРЯДОЧЕННЫЙ НАБОР ШТУК.

## **КУНШТЮК**

*Из двух притяжений ты выбрал земное*  
Виктория Волченко

Дуди, оркестров медь. Мурлычьте, славы тигры.  
Судачь о том, о сём, газеты скорбный лист.  
Не выбравший — суметь, и не сумевший — выбрать,  
восторжествуй, Осёл, ума максималист.

Под тяжестью в руках наполненных стаканов  
я — самозванный зав исчерканных бумаг —  
прославлю ли в веках твой подвиг Буриданов,  
герой, погибший за — плоды обоих благ!..

Летален был итог. Но не перемудрили  
учители Начал (не помню их имён).  
Тебя сгубил подвох коварной симметрии,  
ведь насмерть ты стоял промежду двух копён.

Асфальты и цветы топчу тяжёлой пяткой,  
и в горних высях след черчу пером крыла.  
И в точности, как ты, я за одной охапкой  
пренебрегу лететь, кусая удила.

Когда ж меня за фук возьмут вражда и злоба,  
не выроню ничуть Викторию из рук.  
Из притяжений двух я выбираю — оба.  
Шагаю и лечу. И в этом весь кунштюк!

## ПОЧИТАЛ СЕБЯ

Почитал себя. Пряновато.  
Не ко времени суечусь.  
Рассуждения вянут в ватах  
мятых переживаний, чу-в-с-т-в.  
И, пока ещё вижу света  
лучик тоненький, волос, блик,  
сам пришпорю себя советом.  
— Ну-ка слушайте, Воловик!  
Сочинительствуй поточнее.  
Чушь никчёмную шугани.  
Чтобы вяли или синели  
уши и не только они.  
Чтоб читатель (ну он же — я же!)  
почитав (как в ЧК побыв) —  
нечто чуждое, Бабые-Яжье,  
оживил, пожевав, как жмых,  
стих дамоклов в намоклых стропах  
строк, порубленных в Леты ров...  
И безглаво забьются строфы  
слить багровую с литер кровь.  
И, шкодлив, точно Макс и Мориц  
(два в одном! Это что ж, мутант?! ) —  
бюст сваял бы, нерукотворец.  
Да себе — не кому-то там.  
А не то — не приучен к дракам,  
трус, впадающий в колотун —  
не на цоколе станешь — раком.  
Или — устрицей. Как планктон.

## **ЗАВИСТНИК**

Я со всеми типа выпить-закусить,  
ну, с листа прочесть в кругу стихок-другой.  
Законнектился в компьютерную суть,  
и как будто всем я кореш и друган.  
И как будто я коллега по перу,  
по Перу, по Атлантиде, по Мали.  
Я же — трезвым завсегдатаем пиров  
не тусуюсь — о сочувствии молю.  
Мол, глядите, я же ваш кунак и брат!  
Только верхних в голове модели сфер.  
Я ж за вами — до блевот и до Бермуд  
или — в Чили-Магадан-Мадагаскар.  
На подъёмные я лёгок, хоть сейчас —  
семь небес пройду, и девять не вопрос.  
Проявлю к вам от шести и больше чувств,  
во френды́ или в доверие вотрясь.  
А до дела — там, в историю войти,  
в космос, в Лету — я как скромный в стороне.  
И укажут: ты вот тут, а там — вон те.  
За забор непререкаемый — ни-ни!  
Хорошо, я за оградой постою,  
неуёмный и от зависти седой.  
Мы совместно ещё (Лазаря) споём,  
когда вы ко мне напроситесь сюда...

### **ДАЧНЫЙ ВЕЧЕР**

В сад-огород выползаю — пора-не-пора.  
Первые всходы: игрушка, бутылка, катушка.  
Из DVD перманентно гремят тенора.  
Соткой левее сосед удобряет капусту.  
Солнце уже не такое, как было вчера.  
Рой насекомых, нет, сонм, или полчища лучше,  
в кучу сплетаются и разлетаются тут же.  
В воздухе тает, в росу растворяясь, жара.  
Вечер упал кособокою мягкою тучкой.  
Стелется простынь. Подушка наивной простушкой  
самовзбивается. Колкую звёздочку, ту, что  
мы проворонили, скрыл, как улику, туман.  
Скажешь, примета? — да мало ли было кликуш-то  
из бесноватых, блаженных, поэтов и даже путан!..

## ОСЕНЬ

*И осень, дотоле вопившая выпью,  
прочистила горло*

Б.Пастернак

Лето к подмёткам не липнет.  
Муха не рвётся в полёт.  
Осень, вопившая: «Выпью!»,  
выпьет и снова нальёт.  
Лужи зальёт, под завязку,  
всклянй, как бухой баргузин...  
Ну, шевели свою сказку,  
как демо-версию зим.

Бабу порадует летом,  
кратким и кротким, и вот —  
листья в манере балетной  
спляшут, к примеру, гавот.  
Грянет натянутым нервом  
мокрый минор проводов,  
и, эпатируя, первым  
снегом повалит Покров.

Фирма ли веники свяжет,  
свистнет ли рак на горе —  
будет беситься в экстазе  
снежная муть в ноябре.  
И, наконец, успокоясь  
и ничего не боясь,  
ляжет в сугробы по пояс  
и позабудет про нас.

## КУРТУАЗНОЕ

Голова моя вроде ладони:  
волос выпал последний: ослаб.  
Буду старый (сейчас молодой я) —  
сочиню мемуары про баб.  
Как онъ на менѣ<sup>2</sup> были падки,  
как я их — штук по восемь подряд...  
А ведь были средь них сексопатки,  
сексопилки и пара наяд.  
Расскажу, как, шалун и проказник,  
был я hard, а где надобно — soft<sup>3</sup>.  
И предстану таким куртуазным —  
что там этот... забыл... Степанцов!..  
С милой рай не в шалашике, хрен-то!  
Он — везде, от дворцов до хрущоб...  
Мне кричали: «Даёшь алименты!»  
Мне шептали: «Ах, только б ещё б!..»  
Мне важней, чем анапест да дактиль,  
кое-что, чего нету у дам.  
Тойсть мужской, извиняюсь... характер  
ну и мелочи разные, там.

---

<sup>2</sup> до менѣ?

<sup>3</sup> Hard — жёсткий, soft — мягкий (англ)

## КОГДА-ТО...

Напротив памятника Пушкину  
кафе-молочная. Я там  
машу сосискою надкушенной,  
как бы указываю ртам  
режим и ритмику жевания:  
альты — ням-ням, басы — хруп-хруп!..  
Жуют студенточки жеманные,  
потом лицо платочком трут.  
Смели два марципана щёголи,  
два капитана в галифе.  
Клыки, кренясь, у бабки щёлкнули,  
она немножко подшофе.  
А за стеклом моя милиция  
законно алчет шоферóв.  
Шуршит бульвар тверскими листьями.  
Лицо луны вздымает бровь.  
В углу качнулся и уснул-таки  
алкаш, как твёрдый знак загнёт.  
В «России» в Малом зале мультки.  
Начало через семь минут.

## ЭСКАЛАТОР ВОСПОМИНАНИЙ

Время перемещается поступательно  
и почему-то рябит поперёк.  
Выдыхает мгновенья спрессованные  
знаменательных и незнаменательных дат.  
Ах, как — по этому эскалатору,  
движущемуся вниз и вперёд —  
я с удваивающейся скоростью  
пробежал бы вверх и назад!

Текущие нулевые года, т.е. от нуля первого  
по грядущий десятый, почти что не в счёт.  
Они, правда, чем-то, и даже многим, похожи  
на те, что давно прошли.  
Как будто бы некто в бесцветном,  
а может быть, просто чёрт,  
Из особенной эзотерической вредности  
перепутал девятки, тройки, нули.  
Во всяком случае, я б оттолкнулся  
пятою ошпоренной от современности и — айда  
в смутные девяностые,  
где грозные теперь олигархи ходили под стол,  
где путчи коммунистические  
сотрясали столичные города,  
а свободному телевидению только ещё грозили  
державным перстом.  
Приостановился бы в памятные 80-е  
и поглядел бы ещё, может быть, разок,  
как в апрельском озоновом воздухе

6-я статья Конституции неуклонно катится под уклон.  
С дебатирующими депутатами,  
как серсо, покатали бы Пятое колесо.  
Отоварил бы свеженькой водочкой  
ежемесячный блёкловатых тонов талон.  
Задержался бы, застоялся бы  
ещё на 10-летие-полтора позади.

Кроссворды в душевной курилке,  
ЛТП (личный творческий план), стенгазета по вечерам.  
Производственные чаепития, мемориальные пряники,  
строго с портретов — вожди.  
Все ещё живы и деятельны.  
Дети лопочут и ползают — пи-пи да ням-ням.  
А чуть выше — сангвиником-козликком я по лесам,  
кинозалам и даже озёрам (не бодаясь!) скакал.  
Ах, гулянки, экстаз молодой, поиск методом тыка,  
вот-вот догоню, (о)познаю, короче — найду.  
И неожиданный после увенчанный закономерный  
и, как оказалось, довольно успешный финал.  
То есть новая жизнь началась и, возникнув,  
в момент отменила предыдущую ерунду...  
Ещё на ступеньку-другую, и вот:  
год одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмой.  
Май. Орлов над вокзалом и молнии над мостом  
я вижу, как будто вчера...  
Июнь. Полыхание запаха: липа. Не злой,  
но всё-таки, кажется, зной.  
Август-сентябрь. Жара. И отчётливо слышно  
лязганье танков из-за бугра.

Но выше, выше! Туда, где доска  
в интегральных красуется кружевах,  
где среди лекции по диффурам приёмник,  
чуть ли не детекторный — Гагарин! — вскричал.  
Несанкционированный выплеск восторга,  
манежные струи очищающих вахт...  
Всё теперь — наше! Москва — космопорт,  
спутников гордый причал.  
И ещё: по склонам грядущего МКАДа  
укладка квадратной травы.  
Целина, где восходы, свинарник  
и розовый тальник на нём.  
И картофельные пыльные будни,  
без годов и без дат, увы...

Это время, с которым сегодня я как бы на Вы,  
а когда-то скакал и резвился  
весёлым и глупым конём.  
И на угли глядел у костра,  
однозначно и монотонно угасающие к утру.  
И думал: вот это запомню теперь навсегда  
(и запомнил — вот!)  
А наверное, это я (да и все мы)  
в такую играли игру,  
как бы двигали фишки: работа, урок, поход...  
Я смотрел как на площади Красной —  
ещё допионерские карамельки жуя —  
из далёкого ряда, у ГУМа, а в душе ликовал и пел —  
небольшой — но я знал, что Великий —  
человек в шинели (это я Его вижу! Я!)

попирая могилу предшественника,  
выколачивал смрадный из трубки пепел.  
И уж вовсе времён в глубине я гляжу,  
как, найдя под откосом тайник,  
мы, дети, кидались боевыми гранатами  
(и почему-то не взорвались).  
А однажды с юга на север  
(или с севера, может, на юг)  
— откуда он к нам проник? —  
проплыл дирижабль краснозвёздный зелёный,  
как огурец или длиннозёрный гигантский рис.  
Внизу за глухим забором, но сверху мы видели всё,  
жил бывший поверженный враг:  
пленные хмурые немцы копошились,  
и доблестно их сторожил наш геройский конвой.  
Мы знали: покажь им красную тряпку,  
на советский хоть отдалённо похожую стяг —  
ух как бы они — Доннерветтер! —  
зашлись бы, закашлялись в ругани злой!..  
А бабуля на керосинке, не глядя — да и зачем! —  
варила рисовый суп.

Толокняную кашу под цвет одеяла,  
мешала в кастрюльке и грела среди одеял.  
Дедушка с мамой трудились за свой небольшой  
ещё дореформенный рупь.  
И постоянно отсутствовал пропавший без вести папа,  
которого я никогда не видал...

Что ж, эскалатор приехал, вот оно, начало времён.  
По дороге в Москву  
        безликий мужчина в кепке надо мной,  
на подушке узкой лежащим, глянул в окно:  
«Подъезжаем к Казани» — сказал —  
и с этой фразой я почему-то всегда живу...  
Но ещё из времён было самое давнее,  
скажем, времени — дно.  
Стульчик высокий, кажется, серый,  
но может, и голубой.  
В кухне просторной сияет и блещет  
медный начищенный кран.  
Около двери соломенная копна —  
она называется просо, стожок небольшой...  
С дедушкой на траве... Печенья-коржи на соде...  
Далее тишина, бессловесно гаснет экран.

## **26 МАЯ 1966 ГОДА**

*Памяти Георгия Ница*

В 66-м году, 42 назад  
ярким утречком лечу я в цветочный ряд.  
Облечён доверием, праздновать я рад  
бракосочетания радостный обряд.

Вот я роз букет везу (розы — расцвели!),  
к жениху на Курскую, после — на Фили.  
Майский воздух светится, сладок и упруг,  
и впервые женится мой высокий друг.

Я и сам половозрел и слегка нахал,  
девушку какую-то в лифте целовал.  
Мáшину знакомую в лифте целовал...  
В мае губы просятся к девичьим губам...

Протекло всего-то лишь 40 с малым лет.  
Губы так же тянутся, а ответа — нет...  
Да и брак разъехался (дважды) по частям.  
Гера, Друг высокий мой, где теперь ты сам...

*26.05.2008*

## СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ПОЕЗДЕ

Т.А.

От румяного старца с протухшим вздором,  
не с небес ловящего рифмы капли,  
до тебя дойдёт ли восторг, с которым  
на тебя глядит он, почти поваплен.  
Когда едешь в поезде — не до смеху.  
Там тряхнёт, там грохнет, там чирик сбитый...  
А в тамбуре потчуют самку еху  
абсолютно чистою аквой витой...  
Старикан поёрзает на сиденье:  
ревизор — А ну, предъяви, де-ду-ля!—  
и пушок встопорщится, точно перья,  
возмущённо плешь оголив седую...  
Паровоз запыхал — пора к перрону.  
Всё кругом играет, и — прямо в ящик.  
Освещает запад одну персону.  
Это старичочек, едва стоящий  
на ногах, пускает пузырик рифмы,  
задыхаясь, но и, как юный, тая.  
Он уже затих. Он почти что дрыхнет.  
Но кому-то шёпотом: Таня, Таня...

## СВОБОДА ТЕПЕРЬ

Брожу среди улиц. Имею  
свободных часа полтора.  
И рад, как похмельный Емеля  
со сказочной щукой с утра.  
Завязаны тучи узлами.  
Термометер косит на нуль.  
Свобода! Ведь это же знамя,  
которому я присягнул!  
Что ноль! Мне сегодня и минус  
не сможет испортить досуг.  
Вот жаль, телефоны сменились  
за сорокалетье — подруг.  
Но я пересилю досаду  
и приступ тоски перебею.  
Но я на бульваре присяду  
на редкую ныне скамью.  
Всё так же, как прежде красивы  
фигуры отзывчивых жён...  
Бутылку прохладного пива  
открою карманным ножом.  
Опять оттеняет барокко  
деревьев потухшая медь.  
Я тут проторчу одиноко,  
покамест не станет темнеть.  
Вот в сумерках пара за парой  
взлетят, обнимаясь, в зенит.  
Старушки побрякают тарой.  
Трамвай чем-то там прозвенит.  
Потянет сырою прохладой.  
Бабуси посуду сдадут.  
И вот — притягательно сладок  
домашнего дыма уют.  
Пора возвращаться к покою.  
Метро. Телевизор. Постель.  
Так вот она, значит, какую  
Свобода предстала теперь.

## **НЕ ДУМАТЬ О БЕЛОМ МЕДВЕДЕ!**

«Два капитана»... Я сызмала полюсом бредил,  
«Сполохи! — думал, — Торосы!», когда не спалось.  
Там же, на Севере, белые бродят медведи!  
Чешут спиной, говорят, виртуальную ось.

Вырос я. Минус в глазах изгибается линзой.  
Льды и торосы с экрана блестят (Би-Би-Си).  
Всюду тепло, а особенно, в действиях ближних.  
И за окошком повсюду сплошные плюсы.

Только: жую ли насущное что за обедом,  
думаю ли о возвышенном, там, о любви —  
мимо меня проплывает медведь за медведем  
в белом неспешно, как парусные корабли.

То проверяют акустику в гулком пролёте,  
или гремят чистопрудным трамвайным путём.  
Или читаешь, и — здравствуйте, я ваша тётя! —  
белый медведь над тобой свою лапу простёр.

Хищник, должно быть. Но, кажется, нынче постится...  
Белый медведь пролетает, как белая птица,  
белой вороной в чертог из серебряных льдин...  
— Белый медведь, не пойму, почему ты блондин?..

Эти медведи умеют играть на гитарах...  
Вижу не льды, а костра прогоревшего дым...  
Если бы знал я, какие виденья у старых,  
я бы, наверно, хотел умереть молодым.

Впрочем, до старости жить ещё долго и скучно,  
складывать строчки минут в трудодней буриме.  
Каждое утро будильник бренчит однозвучно,  
каждую ночь только белый медведь на уме.

## РЕЧКА СХОДНЯ

Извивы стиха непредсказуемей тика.  
Там буква мелькнёт, там — слог, а вот это — что там?..  
Петлисты: река и уши преступного типа.  
Он пентиум, типа, заносит над нашим счётом,  
не гамбургским, правда.

А по реке — барашки,  
вроде, агнцы, а в перспективе — жаркое...  
Электропоезд мчит через мост к «Трикотажке».  
Солнце сменяет дождь... Непостоянство какое!  
Сходня бурлит, завивает круги и петли.  
Тут был когда-то лес и, должно быть, леший.  
За наяд не скажу, не знаю, были ли, нет ли...  
(Вот у меня таки б́или — *вихры, враждебные* плечи!)  
Я уж не с кровью рифмую любовь, а всего лишь с болью.  
Прячется кобальт неба в столовой гжели...  
То, что когда-то звонко звалось любовью,  
тихо влетает в синее, без движений...  
Чаю ли выпить? Выплыть ли на дорогу...  
Вторит изгиб изгибу, как сказка факту.  
Ночь в стихах рефлектирует понемногу.  
Звезда звезде посылает месседж но факсу...  
Синее станет серым. Слетают листья...  
Осень. Штампы аллюзий впишите сами.  
Я уползаю в тёплое закулисье.  
В собственную тарелку. В родные сани.

\* \* \*

Тропинкой, похожей на прочие,  
движенья напротив не против я  
Но тут настаёт многоточие,  
хлебало раскрыв многоротое.  
Кривую срезает, уродуя,  
и вот обращаюсь в валета я,  
бесмыслицу многобородую  
младым поколениям советуя.  
Они наступают, орясины,  
на пятки мои ахиллесовы.  
Такая идёт катавасия,  
хотя ещё всё-таки весело...

## **ПЕРЕСМЕНОК ВРЕМЁН**

*Пока в ремонте гильотина,  
такая гадкая тоска.*

Н. С. Болтянская

Пересменок времён.  
Пересмешник пока не на дыбе.  
Эшафот, осквернён голубями  
и кол не колюч.  
Ещё вежливы власти:  
послышалось даже «спасибо».  
Но торопится мастер  
закончить наручник под ключ.  
Надрывается дилер:  
ища, привлекая, вербуя.  
Добросовестный киллер  
контрольно вскрывает висок.  
А пока со стаканом  
поэт проповедует бурю,  
символический каменщик в белом  
встаёт между строк.

## БИОЛОГИЧКА

### *Попытка воспоминаний*

Что я помню об этом времени (от трёх до семи)? — Красная крыша. Наган с пружиной (подарок на день рождения). «Красный петух»: загорелся забор возле сараев, там и наш был; на зиму небольшой замочек, на который он заперся (как говорил Саша, один из рабочих, которые строили нам дачу уже гораздо позже, в 1999 году, «замок для честных людей») обувался в меховую рукавицу. Мама со свалки в Текстильщиках принесла железок и под нашими окнами пыталась устроить «палисадник». Стукнула себя по пальцу: кровь. Большие мальчишки (хулиганы) гоняли голубей и ругались матом (первый мат в моей жизни — когда один (Шурик, кажется, его звали) сказал «-- твою мать!», я, ничего о мате тогда не знавший, почувствовал вдруг почти физически как бы удар тонким свистящим хлыстом по глазам). Они кидали камни, чтобы голуби летали, а не сидели, и однажды камень попал в голубя и оторвал ему голову. Я помню этого безголового голубя в руках хозяина (кажется, всё того же «Шурика» — он вообще был у них заводила). Вместо головы — кровавое, как говорят, «месиво», а лапки шевелятся так, как будто он хочет поудобнее устроиться в ладонях своего невольного убийцы.

Рядом с домом была овощная база. Мальчишки (хулиганы) залезали на забор со специальными проволочными крючьями и добывали арбузы — в сезон корки валялись по всему двору. Мы дружили с одними соседями: Мария Дмитриевна, её муж Иван Денисович, шофёр и их трое детей — Юра (~ 12 лет), Толя (~6) и Ниночка (родилась 3 мая 1945).

Мы переехали на Биологичку в мае, но после 9-го. Я помню День победы в 1945 году. Мне было 3 года. Мы в 44-м вернулись из эвакуации, и так как нашу комнату заняли,

жили пока у родственников (у сестры моей бабушки, тёти Циля) и не где-нибудь, а на ул. Грановского. Это такая улица (сейчас почему-то Романовский переулок — она так и не называлась прежде, и я не думаю, что Романов какой-нибудь (из царской фамилии, вероятно) достойнее профессора Грановского), на которой жило всё начальство: Ворошилов, Будённый, там, Жуков... не знаю, кто ещё, но это известное правительственное место. А тётя Циля имела там (но не в правительственном доме, а рядом) квартиру ещё до 1917 года<sup>4</sup>. Потом её (и её семью) «уплотнили», но 2 комнаты (в одной из которых стояло зубоврачебное кресло, т.к. она была зубным врачом) оставили. И мы там жили. 9 мая вечером мама взяла меня на руки, и мы вышли на угол Грановского и Герцена (Б. Никитской). Там было очень много народу и салют. Вот, собственно, и всё. Вскоре, в мае же, мы по суду получили «помещение, пригодное для жилья» и переехали туда.

А это был странный дом (он и сейчас существует, но давно нежилой) под названием «Биостанция», которая там, вероятно, когда-то была. Местные жители называли её «Биологичкой». За домом был крутой откос, а внизу огороженный лагерь военнопленных, на которых мы, ребята, глазели сверху. У нас было поверье, что если показать им красную тряпку, то они начинают очень злиться и ругаться, потому что это всё равно, что советский флаг. Около дома стояли ещё противотанковые ежи. А в склоне откоса мы нашли однажды такую, вроде, печурку, что ли, а в ней лежали гранаты. Мы их взяли и бросались ими во дворе. К счастью, они, не знаю почему, не взорвались... Первое моё впечатление от нашей комнаты: там стоит чёрная детская колясочка — «не шуми, Ниночка спит». У них была ещё бабушка без одной ноги: она пролезала под вагоном стоящего состава, а он поехал, Биологичка была в нескольких метрах от железнодорожных (товарных) пу-

---

<sup>4</sup> уточнить!

тей. Нога лежала на нижней полке столика, похожего на кухонный у них в комнате. Я думал, что это та самая нога (мумифицированная?), но, конечно, это всё-таки был протез.

Моя бабуля, несмотря на незрячесть, сама готовила на керосинке, которая была в углу за шкафом, т.е., как бы в «кухне». Вообще, в доме была кухня, и я помню, как посредине её складывали большую новую плиту (печь) с многими конфорками. Но мы на ней не готовили. За нашей стеной, у двери, находилась уборная. Унитаз в ней был проломлен, а слив неисправен, всё время бурно текла вода, а наша стенка (уже со стороны комнаты) всегда была запотевшей, и по ней стекали капельки. Стены были выкрашены масляной краской, кажется, светло-зеленоватой, вроде того, как сейчас выкрашен снаружи наш теперешний дом на 1-й Дубровской<sup>5</sup>.

Одно время на электроэнергию был «лимит». Это означало, что платили не по счётчику, а фиксированно. При этом розетки были опечатаны сургучной печатью, а кругом говорили о «жуликах». У нас (уже, когда розетки были доступны) был радиоприёмник. Он был огромный, в нём было окошко, и там можно было смотреть, какие города принимаются (меня всегда интересовало, откуда берётся этот список городов, в том числе заграничных, ведь он никогда ничему не соответствовал, кроме, может быть, Москвы, которая была везде, в том числе и там, где было написано «Москва»). Надписи были, вероятно, по-русски, т.к. тогда я ещё не знал латинских букв (что противоречит моему воспоминанию, что этот приёмник был трофейный). Как-то приходил мастер чинить его...

У нас была кошка Мурка, которую котёночком дала нам тётя Нора от своего кота (или кошки?). Мама говорит, что Мурка терпеть не могла, когда я плакал: бросалась мне

---

<sup>5</sup> уже перекрашен в грязно-жёлтый, потом в серый.

прямо в глаза своими острыми когтями. Вообще, она была очень своенравна. Обычно лежала на этажерке возле двери и дремала, а когда приходили — гости или по делу, врач там, мастер по радио и т.д. — чужие, в общем) — бросалась на них и ужасно царапалась. Не помню, то ли тётя Таня, то ли врач из-за двери прежде, чем войти, кричала: «Уберите вашу кошку!» У меня был складной фанерный домик с окошками, я строил его вокруг Мурки и накрывал крышей: она терпела. Когда мы съезжали с Биологички, 21 января 1950 года (это был нерабочий день, годовщина смерти Ленина; нерабочим было также и 22 января — день памяти жертв 9 января 1905 года), то кошку оставили. В суете я забыл о ней, а взрослые и не хотели брать её в 15-й корпус. Понятно: там в маленьких комнатках жили семь семей, а мы жили в половине комнаты, разделённой фанерной перегородкой и, соответственно, с половиной окна, так что кошка легко могла бы залезать к соседям. Я потом очень плакал (и никто не бросался мне когтями в лицо...) Мама сказала, что кто-то отнёс её на мясокомбинат, там её видели, а на мясокомбинате кошка не пропадёт. Думаю, что это было не так. Во-первых, вряд ли кому-нибудь нужно было относить её туда, а во-вторых, узнать Мурку среди других кошек, которых там наверняка было немало, было бы сложно и опять-таки, вряд ли кому-то нужно<sup>6</sup>... Мурка была серая с чёрными поперечными полосами. Как тигр. Она никогда не выходила на двор, а когда однажды мы решили вы нести её подышать свежим воздухом, со страшным воем вырвалась и убежала обратно домой. Хорошая была кошка. Вообще, все животные, с которыми я имел дело в своей жизни, были очень хорошими. Но лучше всех была моя любимая Долечка... Таких собак просто не бывает. Я до сих пор переживаю её смерть не менее остро, чем смерть близкого человека... Хотя, к Биологичке это отношения не имеет.

---

<sup>6</sup> Сейчас мама говорит, что не на мясокомбинат, а на овощебазу. А может, это я позабыл, а она так говорила и раньше... (декабрь 2007).

Бабуля всегда была очень активна и не считала себя незрячей. «Я плохо вижу», — говорила она. Когда кто-нибудь (из женщин) приходил к нам в чём-то новом или не знакомом ей, она требовала подробно описать ей цвет и фасон, чтобы составить себе полное представление. Она помнила это и при случае сравнивала одно с другим и т.. Бабуля занималась, по крайней мере, русским языком со старшим сыном М.Д. Юрой. Я при этом присутствовал и уже умел разбирать предложения. Когда бабуля говорила: «Разбери фразу: «Стол стоит на полу», то я кричал раньше Юры: «Стол — подлежащее, стоит — сказуемое, на полу — обстоятельство места!» Юра учил басню «Ворона и Лисица». Он говорил: «От радости в задку дыханье спёрло». Что значит «в зобу» он не знал.

Потом, когда я уже учился в Университете, однажды вечером позвонила Ниночка и сказала, что Юра умер. Он работал шофёром, стоял с машиной возле Киевского вокзала, и ему стало плохо с сердцем. Приехала скорая и, не разобравшись, вколола ему что-то антиалкогольное, от чего он сразу скончался. Никто не нёс за это никакой ответственности (насколько я знаю). А Толю я в последний раз встретил в трамвае, это было тоже очень давно, хотя, кажется, я уже работал (в Тушино, в «почтовом ящике», наверное). Мы с ним немного пообщались, а потом он стал ухаживать за какой-то девушкой, потом я вышел и больше (пока) его не видел.

А когда-то он учил меня кататься на коньках. У меня откуда-то были снегурки (его, кажется), и я помню, как Толя подходил к нашему окну (а зима была снежная, и снег доходил почти до окошка) и звал меня кататься. Это было уже в последнюю зиму там, т.е., зиму 1949-50 годов.

Первое время я ходил в школу ещё с Биологички. А школа (№ 470) была на 4-м Дубровском проезде (теперь ул. Мельникова) — между прочим, близко к нашему тепереш-

нему жилью. Там ещё рядом Дворец культуры 1-го ГПЗ, где в 2002 году «Норд-Ост» случился... Мама в обеденный перерыв отвозила меня из школы домой. А туда надо было вообще ехать очень рано, там ещё бывали задержки из-за поездов, которые мешали движению трамвая. Сначала надо было ехать от Клейтука до мясокомбината на 20-м трамвае, а потом на 35-м... Собственно, я не помню, куда на 35-м. Ведь от мясокомбината надо было уже идти пешком до школы...

Мне несколько раз снился один и тот же сон, как будто я иду по пустынному 4-му Дубровскому проезду, и вдруг из-под земли открываются такие, вроде, люки, в них сидят фашистские солдаты и целятся в меня из своих шмайсеров (я тогда не знал этого слова). Страшно было!..

\* \* \*

Так. XXI столетие.  
А в прошлом веке (где он ныне!)  
я жил, как все: ел щи на третье,  
негласно вопиял в пустыне...  
Дробясь в нутре зеркала мутном,  
с утра бухую скалил морду.  
Натужась, втискивался буквой  
в ячейку тесного чайнворда.  
Пока самцы шукали веру,  
блудя посты, как постовые,  
искал я пару, как химеру,  
был погружён в стиха стихию.  
Пока бананы ямба ел я  
и отливал в часы отлива,  
она, как ящерка, глядела  
зелёным глазом похотливо.  
Я выходил в инет без ника —  
таким Гаруном (аль — Рашидом)  
и тусовался там безлико,  
перепоясанным шахидом  
спеша в толкучку масс народных,  
дрожущих в трепетах лобзаний,  
как исполнитель на скейтбордах,  
елозил злачными задами.  
Под едкий запах перегару —  
в метро, в его тягучих штольнях —  
как шелкопряд, искал я пару,  
а получал её — как школьник.  
И вечным двоечником, воя,  
вкусив субботней трёпки предка,  
не забывал: теперь нас двое —  
я и проклятая отметка.  
Хоть был я видный, вроде, парень,  
внедриться мог в любую щёлку,  
Но лучше бы я был непарен

и на-гора давал бы шёлку...  
Я не хочу служить в балете,  
мамоне, богу и отчизне!  
Вернись, XX столетье,  
и снова молодостью брызни!

\* \* \*

Как времена летят? — Как птицы.  
Сперва вперёд, потом назад.  
Что́ было, то и воротится,  
как пить дать. А не дать — не взять.  
Чума истории возвратна.  
Грядут прошедшие года.  
Где было солнце — только пятна.  
Поставил пробу б, но — куда!..  
Как в триллере, паля навскидку,  
набив палёным толом лиф,  
воздушный храм судьба-шахидка  
развеет, по ветру пустив.  
Чтоб в облаках, как в одеялах,  
как будто привиденья, мнясь.  
остатки прежних идеалов  
с кем пóпадя вступали в связь.  
Пора — зубрить по-новой коды  
Эзопа: чтоб не замели...  
Ведь даровали нам Свободу.  
А мы — воспользовались ли?

## БЫТЬ ДОЛГОРУКИМ

*Ерунда! — сказал дьяк, —  
Из вас должен быть всяк  
в теле*

А.К. Толстой

Зомбированный Закулисой,  
я замечаю всё, что скверно.  
Мне всё — равно: солома, сено,  
какашка, лампочка, грейпфрут...  
Вот девушка: сидит орлицей  
в преддверье метрополитена.  
Как сфинктер, рот ея извергнул  
непереваренный продукт.

Вот юноша под кайфом пива  
(или — чего?..) угрюм, но весел,  
ботинком вдребезги посуду  
опорожнённую добил.  
Вот пуп показывает дива,  
как это водится повсюду,  
сама в полутяжёлом весе,  
а муж её — вааще дебил.

А там гадалка кажет бубну.  
Её глаза черны, как сливы...  
Вот старец с челюстью в стакане  
бредёт неспешно босиком.  
Вот члены Думы, остроумно  
обозванные «думаками»  
ещё при поза-том созыве,  
при государе при другом...

Вот обновлённая столица  
пронзает башенками небо.  
А главной башней, той, что теле-,  
слегка помахивает, злясь.  
Кругом кошачьи, волчьи лица...  
А каждый быть должен бы — в теле,  
жить без волнения и гнева  
и долгоруким быть. Как князь.

**Я**

*Знай: это я!*

Козьма Прутков

**Я** вовлечён в пространство бытия.  
**Я** жизнь прошёл от края и до края.  
**Я** переполнен собственными **Я**.  
**Я** ль виноват, судьба ль моя такая?..  
**Я** погребён под грудями тряпья.  
**Я** зѣмы не люблю. Ах, мне бы мая!  
**Я** ем еду. Мечтаю. Жду трамвая.  
**Я** пиво пью вместо мумия.  
**Я** стар теперь. А в детстве, словно за**Я**,  
**Я** был фанатом Дедушки Маза**Я**.  
**Я** весь погряз в гордыне, твёрдо зна**Я**:  
**Я** был. Бываю. Есмь. Пребуду — **Я**!  
**Я** поднимаю собственное зна**Я**!  
**Я** только не уверен: я ли — **Я**?..

## МЫСЛИ ПЕРЕД СНОМ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Он думал: ведь, у меня всегда была  
неплохая наследственность; мне,  
может, осталось прожить целую жизнь —  
Лермонтова, на худой конец, Галуа.  
Неужели этот остаток, довольно большой,  
будет всё темней и темней?  
Неужели же так ничего и не сварит  
ржавый мой котелок, лысая голова!  
В ней же бессменной династией  
издавна проживают цари.  
Да и сам я, хоть, может, и червь, но бог,  
сам себе и маяк, и маньяк...  
Где ж ты, мой старенький добренький Фауст,  
где вы, мои молодые Мцыр́и?  
Где, наконец, моя первая гамма, лемма,  
первая теорема моя?..  
Так размышлял он, то глаголом, то интегралом  
размахивая, как шашкой на всём скаку,  
к годам переменного возраста прибавлял  
то семёрку, то тройку, а то пририсовывал нуль.  
И пока он об этом мечтал и думал,  
всё метался северный ветер  
по пустому его чердаку,  
и он позабыл, о чём же он думал,  
что было, что, может быть, будет,  
и постепенно незаметно уснул.

## МЕММАКЕР

В составе нового OFFICE'а я делаю МЕММАКЕР. Два провода к вискам (через USB-порт). На экране моя память. Т.е. то, что я помню. Как бы. Её можно прокручивать на экране последовательно или фрагментами в произвольном порядке. В некоторых местах сплошной серый фон. Там всё забыто. По краям этих участков можно пройти меньшим шагом (т.е. с бóльшей разрешимостью), и там могут проявиться слабо вспоминаемые мною обрывки, по которым Memmaker экстраполирует «близлежащие» события, они могут найти отзвук в моей памяти и сделают доступными ещё сколько-то ячеек, содержимое которых также отобразится на экране. Можно включить такую опцию (Make) в меню Edit, что если Memmaker ошибётся, т.е. экстраполяция не будет соответствовать истине, то в моей памяти эти ячейки останутся открытыми и события, произведённые программой станут моими неотъемлемыми воспоминаниями.

Но ведь это значит, что там, где всё совсем серо и экстраполировать нечего, я могу создать новые воспоминания, которые также присвою посредством опции Make. (Не забыть отключить и стереть память о применении этой опции!)

Более того. Я могу удалить из собственной памяти неприятные воспоминания, стыдные, может быть, позорные для меня и вместо них создать новые, например, о путешествиях по на самом деле невиданным мною местам, о спасении мною девочки на пожаре, об участии в иных героических событиях и т.д.

Я так смогу отредактировать свою память, что просматривать её на дисплее Memmaker'а окажется ежедневным ни с чем не сравнимым удовольствием. Я как бы смогу вновь переживать всю свою долгую жизнь (не подозревая, что часть её выдумана мною же), и пропадёт навсегда жгучее чувство сродни клаустрофобии, которое живёт у меня

в низу живота и выдаёт совершенно настоящие болезненные спазмы, когда голова моя плывёт, и я чувствую, что схожу с ума, что я сейчас начну, безумствуя, биться о невидимые стенки так называемого настоящего, из которого — я знаю! — невозможно вырваться в милое прошлое, даже во вчерашний день, когда мы с Симой и её дачной подружкой, поставив за забором, окружающим дачные участки, Симину игрушечную палатку, собирали землянику в маленькие эмалированные кружечки. А потом загремел гром, мы увидели приближающуюся тучу, быстро собрались и побежали домой... А грозы так и не было. Она разразилась только ночью, уже под утро... Даже туда мне уже нет пути! Но теперь, с Memmaker'ом, всё это доступно мне снова и снова.

И снова я молодой, и со мною собака любимая Долли и кошка любимая Мурка. И Рина ещё молодая и мясоедая... И бабушка, дедушка живы. И мама бежит, не хромя, со мною по Крымскому мосту глядеть, как колонны молодых иностранцев по набережной мчат в Лужники на открытие Фестиваля, крича и махая: «Мир, дружба, водка!..»

Любви и влюблённости тоже... Вот, где уж я всласть порезвлюсь, редактируя прошлое!..

Ведь то, что было со мной, находится только в ячейках загадочных памяти, то есть в каком-то брожении частиц, биотоков, дерьма, протоплазмы и химии. И значит, возможно создать такое всего сочетание этого вместе, которое, может быть, всю переменит картину.

Для этого, собственно, мною  
и создан удобный Memmaker!

## **ВОДА**

*...и не друг, и не враг, а — так...*

В. С. Высоцкий

Кто одобрит — знахарь? врач?  
Дрянь — душа и мерзость — плоть.  
Я ни хладен, ни горяч,  
как сказал один... господь.

«Климакс клёв, да климат клят! —  
пошло пукал пипл толп, —  
Брут не Брут и брат не брат.  
И ни чёрн, ни бел... »  
Но — тёпл!

Хине, мёду — не кунак:  
горечь, сладость — ерунда.  
Я — не пиво, не коньяк.  
Я — вода, вода, вода!

### **СТИШОК С ПОДВОХОМ**

Печальный август лето прекратит,  
Окрасит златом старческим листву.  
Давай о нём забудем — без обид,  
В конце концов, пока мы наплаву...  
О лето, как ты коротко! Как жизнь...  
Хорошее, зелёное, вернись!

\* \* \*

*Быть может, всё в жизни лишь средство  
для ярко-певучих стихов*

В. Брюсов

Ни вздоха, о друг мой, ни вздора,  
какой ни получишь сигнал.  
Пусть даже подарит Пандора  
свой ящичек, чтобы — сыграл.  
Сыграй. Например, в ре-миноре.  
Народ зарыдает навзрыд...  
Но помни: memento-to — mori!  
Забудешь — а он не простит.  
Ты будешь стремиться всё выше,  
но вновь понедельник, и вот —  
в подельники к чёрту запишут,  
дадут от ворот поворот.  
А дальше в какой-нибудь вторник  
свершится судьбы произвол.  
Тот, чьё бытие не бесспорно,  
будильник на вторник завёл.  
Так выкинь обиду из сердца,  
пусть в нём только боль и любовь.  
А жизнь — эксклюзивное средство  
для звонко-певучих стихов.

## ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ

*...от людей действия людям говорения*

В. М. Герцик

### I

Я человек полнолуния, комнатного безумия.  
Не прозябаю втуне я, но тороплюсь в полёт.  
Утро ли, ночь ли лунная — ну-ка, возьми в игру меня,  
я поступлю, не думая — весь, как автопилот.

Я человек. Во льду ли я — всё, как в жерлѣ Везувия.  
Тут не игра, в дыму моё — всё: и душа, и плоть  
Действие — наказуемо. Рухнет — лови внизу его.  
Крайний-то — я! — Ату его! Вот — бытия оплот.

Я человек неумения.  
Я человек, потрясения.  
Я человек увядания.  
Я человек до свидания.

### II

Я человек воскресения. Жизнь проскользнѣт без трения,  
но — за крупницу времени, сорок каких-то лет —  
не тормозя мгновения, сдвинет, отжав сцепление,  
фокус стихосложения времени драндулет!

Я человек говорения — тусклого, но горения.  
Не для меня гниение: мне не пристало — тлеть.  
Я — человек хотения. Я не во тьме, но в теме я.  
Вам ли сдержать в узде меня, пряники, петля, плеть!

Я человек разумения.  
Я человек вдохновения.  
Я человек созидания.  
Я — Человек-Мироздание!

## **ЗВЕРУШКА-66**

Он крадётся, кренясь, на нестёртых шестёрках кривых.  
Краевые дефекты эффектны, как те фейерверки.  
Он упруго привстал, он увидел, наверное, львих.  
Ловок, хищен, незрим...  
Может быть, он блефует? — проверьте!  
На грядущие ритмы надеясь, и веря, и ждя,  
он в преддверии бури бравурную гриву развесил.  
Даже ночью, и в дождь сокрушительен жар куража.  
Не жалея. Не залея! Он поэт, он поэтому светел.  
Шесть столетий, спустя рукава, просвистят, как пустяк.  
Аксакал, с высоты своих всех, он оскалится: классик!..  
И шестёрки расчистят тропинку, что стала — СТЕЗЯ,  
здесь он пасся младенцем, под стулом, на лысом паласе...  
Вот он точит резцы, ставит лапу, и всё впереди.  
Он писать приспособится, писать притерпится в тазик...

— Что же делать, скажите?..

— Попробуйте аперитив.

А потом — попытайтесь сомлеть в эксклюзивном экстазе.

*2008*

\* \* \*

Дорога прямая, и солнце блестит,  
и звёзды горят на боку коньяка.  
Чего не расслышу — пожалуйста: титр,  
а не разгляжу — кто-нибудь да подскакёт...

Этот сюжет разрабатывать лень,  
а хочется жечь, но глагол не из тех.  
Я, дамы, пред вами не встал бы с колен,  
когда б за плечом не мехмат да физтех...  
Из тех, из которых ни выбрать, ни взять  
ни ту, что подругой, ни ту, что сестрой,  
я буду выискивать и вычислять;  
чудесный напиток утроит настрой.  
Нас трое, я в лицах различных един:  
то царь или бог, то истец и брюнет.  
Я то ниспровергнут, то непобедим.  
Однако, не червь, потому что — Поэт!  
Мне что́ по этапу — что́ по этажам,  
что́ влёт — что́ ползком;  
что́ запеть — что́ запить.  
Неважно — позор или славу стяжать.  
А важно: что звёзды, что Солнце блестит...

## СКАЗКА

Слов в обрез. Мыслей тоже негусто, по правде сказать.  
Образ жизни похож на какой-нибудь *modus vivendi*.  
Я, как Ваня-дурак, шкандыбаю, плешив и пузат,  
в лубяную избушку к косматой взъерошенной ведьме.  
Уж не знаю, почует ли мой отвратительный дух  
и пихать меня в печь поспешит ли, подставив лопату.  
Я скажу ей: «Бабуля! Чего ты взъерошилась вдруг?  
прямо жар у тебя. Не слетать ли сейчас к аллопату?»  
И она расхохочется вдруг, словно фея, юна.  
И воскликнет весёлым девчоночьим басом: «По мётлам!»  
И уже мы летим! И вокруг расцветает весна!  
И орлы поднебесны роняют на спины помёт нам.  
В *vitū novū* летим, вроде Данта с Петраркой своей  
или как мастерок с разбитною своей маргариткой.  
Челюстями вставными напрасно не клацай, Кощей.  
Хрен догонишь нас: ты, immortal, недостаточно прыткий.  
Я стал тоже иной — обольстителен, строен и юн.  
И в любом направленьи сумею обрушить удар свой  
Кроме Волка, со мной рыжий Кот, между прочим, баюн.  
И считай, что моё уже всё Тридевятое Царство!

## **ЛЕТАЯ, ЛИКУЯ, ИГРАЯ**

Взлетал я в зенит и планировал вниз,  
но я не участвовал в войнах.  
Играл бессеребрено в бисер на бис,  
как бес у небес беспокойных.  
Клевал наклонений калёную суть,  
ничуть не склоняя колена.  
И лысого флага болтался лоскут  
тоскливо — то клёво, то влево.  
Болтун многоякий, глумливый глагол,  
как гугол<sup>7</sup>, бездонен и гулок,  
на руки, на крюки и просто — на пол  
не лóжил охальных охулок.  
Напротив: матроны, мужья и зятя,  
Светланы, Ларисы и Вали  
в восторг приходили, в мосторг заходя,  
и 5 мне любезно совали.  
Шестой — обглодает последнюю кость,  
и вот я отныне и присно  
отправлен блюсти безответственный пост  
в окрестности постмодернизма.  
Я «А» произнёс и, того гляди, «Б»  
появится где-нибудь с краю.  
Я — виден. Но главное: сам по себе.  
Летая. Ликуя. Играя.

2006

---

<sup>7</sup> Гугол — самое большое число на свете.

## СОДЕРЖАНИЕ

### **ДЕЛА**

ДЕЛА.....	3
Забудь каток и колесо.....	4
КЛАУЗУЛА.....	5
ПАУК И МУХА.....	6
ЭТЮД.....	7
ЛЕДИ ГОДИВА.....	8
СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ.....	9
ПАРАД ПЛАНЕТ.....	10
ПАЛОЧКИ МАЭСТРО.....	11
О, оторопь от разного прогресса.....	13
НОВЫЙ РУССКИЙ.....	15
ЧАСТИ РЕЧИ.....	16
Сегодня Коля был без Светы.....	17

### **КАЛЕНДАРЬ**

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ С ЛОКАТОРОМ.....	18
ОКТЯБРИ.....	19
КАЛЕНДАРЬ.....	20
ХРОНИКА.....	21
PAVEL & PAVLIK.....	22
КОНДОПОГА.....	23
ВЕК — МНОГОЯК.....	25
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ.....	26
делающие белое и цветное.....	27

### **ВЕРБАЛЬНОЕ БОЛЕРО**

ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ.....	28
УЛЁТ В СЕТЬ.....	29
УРОКИ МУЗЫ.....	30
Не творец: исполнитель.....	31
Я вхож в один кружок.....	32
О СЛАВЕ.....	33
ВЕРБАЛЬНОЕ БОЛЕРО.....	34
ШТУКИ.....	35
КУНШТЮК.....	36
ПОЧИТАЛ СЕБЯ.....	37

ЗАВИСТНИК.....	38
<b>ЭСКАЛАТОР ВОСПОМИНАНИЙ</b>	
ДАЧНЫЙ ВЕЧЕР.....	39
ОСЕНЬ.....	40
КУРТУАЗНОЕ.....	41
КОГДА-ТО.....	42
ЭСКАЛАТОР ВОСПОМИНАНИЙ.....	43
26 МАЯ 1966 ГОДА.....	47
СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ПОЕЗДЕ.....	48
СВОБОДА ТЕПЕРЬ.....	49
НЕ ДУМАТЬ О БЕЛОМ МЕДВЕДЕ!.....	50
РЕЧКА СХОДНЯ.....	51
Тропинкой, похожей на прочие.....	52
ПЕРЕСМЕНОК ВРЕМЁН.....	53
БИОЛОГИЧКА.....	54
Так. XXI столетье.....	60
Как времена летят? — Как птицы.....	62
БЫТЬ ДОЛГОРУКИМ.....	63
Я.....	64
МЫСЛИ ПЕРЕД СНОМ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ.....	65
МЕММАКЕР.....	66
ВОДА.....	68
СТИШОК С ПОДВОХОМ.....	69
Ни вздоха, о друг мой, ни вздора.....	70
ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ.....	71
ЗВЕРУШКА-66.....	72
Дорога прямая, и солнце блестит.....	73
СКАЗКА.....	74
ЛЕТАЯ, ЛИКУЯ, ИГРАЯ.....	75

Воловик Александр Иосифович  
УПОРЯДОЧЕННЫЙ НАБОР ШТУК  
стихотворения

Редактор  
Александр Воловик

Технический редактор  
Александр Воловик

Набор и вёрстка  
Александр Воловик

Корректор  
Александр Воловик

Фотография Юрия Проскурякова

В оформлении обложки использована композиция  
Михаила Агафонова

Подписано в печать 25.12.09.  
Лит.-худ. изд. Формат 60x84<sup>1</sup>/<sub>24</sub>  
Гарнитура «Arial». Тираж 100 экз.  
Издатель «Эпоха самиздата»  
Москва